

Блинцов Д. А.
D. A. Blintsov

«КИТАЙСКИЙ ФАКТОР» НА КРЫМСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ 1945 ГОДА

«THE CHINESE FACTOR» AT THE CRIMEAN CONFERENCE OF 1945

Блинцов Дмитрий Александрович – научный сотрудник научно-экспозиционного отдела Ливадийского дворца-музея (Россия, Ялта); Республика Крым, 298655, г. Ялта, пгт Ливадия, ул. Батурина, 44а; тел.: +7 (978) 015-38-60. E-mail: d.blintsov@yandex.ru.

Mr Dmitry A. Blintsov – Researcher of the scientific-exposition Department of the State autonomy institution of the Republic of Crimea, Livadia Palace-Museum (Russia, Yalta); Republic of Crimea, 298604, Yalta, the village Livadia, 44a Baturin str.; tel.: +7 (978) 015-38-60. E-mail: d.blintsov@yandex.ru.

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, связанные с обсуждением китайского фактора, его роли и значения в политике союзных держав в период проведения 4–11 февраля 1945 г. Крымской конференции глав трёх держав антигитлеровской коалиции – СССР, Великобритании и США. Автор анализирует позиции сторон, которые предшествовали переговорному процессу и в дальнейшем способствовали укреплению влияния Советского Союза в Дальневосточном регионе. Особое место уделено роли Китая как объекта притязания «великих держав».

Summary. The article deals with the issues related to the discussion of the Chinese factor, its role and importance in the policy of the allied powers during the Crimean conference of the three powers of the anti-Hitler coalition—the Soviet Union, the United Kingdom and the USA on February 1945. The author analyzes the positions of the parties that preceded the negotiation process and further contributed to the strengthening of the influence of the Soviet Union in the Far East. Special attention is paid to the role of China as an object of interests of «great powers».

Ключевые слова: союзники, конференция, США, договор, дипломатия, политика, 1945, СССР, Китай.

Key words: allies, conference, USA, diplomacy, politics, 1945, the Soviet Union, China.

УДК 341.372

Крымская конференция лидеров стран антигитлеровской коалиции, проходившая в Ливадии (Крым) с 4 по 11 февраля 1945 г., оставила значительный след в мировой истории. Это вызвано рядом факторов: решением о разделении сфер влияния в Европе, попыткой формирования контуров послевоенного мироустройства с учётом последствий Второй мировой войны, реформативанием многих государств и их границ.

Всё это, а также судьба послевоенной Германии, война, которую продолжала вести Япония на Дальнем Востоке, входило в повестку дня Крымской конференции и очень тщательно обсуждалось членами делегаций СССР, США и Великобритании в ходе длительных переговоров.

Заметим, что на этой встрече было принято важное решение, которое обычно считают значительным успехом советской дипломатии и советского руководства в период Великой Отечественной войны. Речь идёт о вступлении Советского Союза в войну против Японии в рамках выполнения своих союзнических обязательств. Этот вопрос имел под собой долгую основу, ведь в конце 1941 года американское военно-политическое руководство рассматривало вопрос о втягивании СССР в войну с Японией [7, 121]. Это было преждевременным шагом для советской стороны, однако Советскому Союзу было очень важно получить признание и удовлетворение своих политических условий для вступления в войну, в том числе и в Китае, после наступления подходящего момента. Более того, попытки союзников, прежде всего США, использовать советскую территорию как плацдарм для проведения активных наступательных операций против Японии советской стороной отвергались то решительно, то путём долговременных переговоров, которые старались затянуть, находя причины невозможности их

реализации. Однако это имело, по мнению советского руководства, смысл, так как позволяло не дать повода для нападения на СССР – в самый острый период борьбы с фашизмом на Восточном фронте. Да и позиция японского военного и политического руководства в отношении Советского Союза была в целом обусловлена ходом противостояния между советскими и немецкими войсками и носила откровенно выжидательный характер. Не самую последнюю роль, конечно, играли и Советские Вооружённые Силы (ВС) на Дальнем Востоке, в Приморье, с которыми японцам приходилось считаться. Уроки Хасана и Халхин-Гола (1938, 1939 годы) дали свои плоды.

Здесь следует сказать несколько слов о ещё одном косвенном участнике рассматриваемого процесса – Китае. Говоря о Китае, необходимо помнить, что эта страна с начала XX века была объектом притязаний ряда европейских и азиатских государств. Череда войн, переворотов, мятежей, иностранной интервенции фактически убрали Китайское государство с политической арены, сделав его объектом притязаний. События, которые произошли в первой трети XX века, дали шанс Китаю на возрождение. Особую роль в этом сыграло несколько факторов. С одной стороны, таким фактором оказалась политика молодого советского государства, которое пыталось проводить активную внешнеполитическую деятельность и на Дальнем Востоке, впрочем, идеи коммунизма и равенства нашли отклик у значительной части китайского населения разных социальных групп. С другой стороны, рост национального самосознания, творчески переработанный, чуждый социальный опыт приводят к росту популярности Гоминьдана (китайская национальная партия). Она зиждется на принципах национально ориентированного государства, консолидирует китайский народ перед лицом внешней угрозы.

В дальнейшем раскол китайского общества, которое с одинаковой горячностью воспримет две диаметрально противоположные политические идеи, приведёт к гражданской войне, которая будет продолжаться с перерывами в два десятка лет – с 1927 до 1949 года. Правда, следует согласиться с мнением ряда авторов о том, что «Среди научных исследований, связанных с изучением истории Второй мировой войны, редко встречаются работы, в которых предпринималась бы попытка полноценного анализа роли Китая в военном конфликте» [1, 36]. В данном случае будет предпринята попытка ликвидировать возникшую лауну. Даже будучи ослабленным и расколотым, Китай представлял интерес как объект политики для большинства амбициозных государств как в регионе, так и за его пределами, и прежде всего для США. Естественно, внимание советского руководства (СССР) было тоже приковано к происходящим там событиям и оно весьма пристально следило за ситуацией в Китае. Главенствующая роль в деле идеологического доминирования в Китае отводилась коммунистической партии Китая (КПК) и её лидерам, хотя контакты с Гоминьданом также имели место. Но серьёзной проблемой для советского руководства являлась непримиримость, которая фактически разделила в дальнейшем китайское общество.

За событиями в Китае внимательно наблюдали из-за океана. Американские правящие круги были заинтересованы в своём политическом и экономическом присутствии и влиянии в Китае. Более того, они имели в этой стране давние интересы, которые ещё в конце XIX века отразились в доктрине Хэя (1899) [9, 42]. С начала XX века и позднее США активизируют свою политику на территории Китая. В 30-е гг. прошлого столетия они делают ставку на Гоминьдан и её лидера Чан Кайши. Всё это накладывалось на агрессивную и захватническую политику Японии, которую она вела в отношении Китая на протяжении десятилетий. Более того, активизация японской империи в военной сфере привела к тому, что окружение Чан Кайши исходило из простого понимания, что Китай слишком слаб, чтобы решиться на прямое противостояние Японии. Надеясь на использование противоречий мировых держав в Китае, на изменение внутривосточной ситуации в Японии, Чан Кайши и его сторонники практически избрали тактику умиротворения, избегая открытого противостояния и пытаясь лавировать между интересами крупнейших геополитических игроков [2, 28]. Такое многообразие участников геополитического процесса, многовекторность их интересов породили серьёзнейший комплекс проблем стратегического

характера, который пришлось решать всем заинтересованным сторонам в годы Второй мировой войны.

Военные действия на территории Китая начались в 1937 году и с различной степенью интенсивности продолжались в течение четырёх лет. Нападение Японии на Перл-Харбор привело к формированию китайскими правящими кругами следующего вывода: это даёт им шанс на упрочение их позиций в переговорном процессе с Великобританией, США и СССР и позволит стать субъектом международных отношений. Практически сразу, вслед за нападением японцев на базу американского флота на Гавайских островах, 9 декабря 1941 г. Китай объявил войну Японии, а чуть позднее – Германии и Италии. Это вызвало благосклонный отклик среди политического истеблишмента США, так как там считали, что новый театр военных действий отвлечёт силы японцев от основного направления борьбы. Однако на конференции в городе Чунцине, проходившей во второй половине декабря 1941 г., выявились противоречия между США и Великобританией в отношении Китая. Это не остановило американцев в стремлении занять доминирующее положение среди советников Чан Кайши и определять его политику в данном регионе.

В 1942 году в Китай была направлена миссия генерала Стилуэлла, который на протяжении нескольких лет являлся советником китайского руководителя и координировал усилия китайского и американского военного руководства в данном театре военных действий. Более того, Белый дом приступил к разработке политической стратегии на послевоенный период на Дальнем Востоке и в Азии. Важную роль в проведении этой стратегии должен был сыграть Китай. Американцы сделали ставку на основной ресурс Китая, в то время людской, который должен был стать решающим фактором в борьбе с японскими вооружёнными силами.

Интересная деталь: в октябре 1942 г. США объявили об отказе в праве «экстерриториальности» в Китае, что было зафиксировано американо-китайским соглашением от 11 января 1943 г. [6, 543]. Более того, американское руководство в лице генерала Дж. Стилуэлла, главы штаба Чан Кайши, отвечавшего за поставки по ленд-лизу в Китай, предприняло шаги в деле урегулирования противоречий между Гоминьданом и КПК. Однако это не отменяло того факта, что основной фигурой политических процессов в Китае, по мнению США, должен был остаться Чан Кайши.

На конференции в Тегеране, в ноябре 1943 г., Англия, СССР и США обсудили ряд вопросов, один из которых заключался в участии Советского Союза в войне против Японии на Дальнем Востоке после разгрома гитлеровской Германии. Инициатива в данном вопросе принадлежала западным союзникам. Именно тогда стороны определили возможные преференции, которые получит СССР с учётом его позиции по дальневосточному вопросу. Но в дальнейшем переговоры по этому вопросу продолжали оставаться в центре внимания руководителей мировых держав.

Заместитель народного комиссара иностранных дел И. Майский 10 января 1944 г. написал докладную записку на имя В. Молотова, в которой отразил перспективу послевоенного устройства и будущего мира. В этом документе нашлось место и дальневосточному вопросу. Майский подчёркивал парадоксальность этих фактов: «...17) СССР не заинтересован в войне с Японией, но очень заинтересован в разгроме Японии англо-американскими силами. Наиболее правильным с точки зрения интересов СССР было бы маневрировать так, чтобы получить Южный Сахалин и Курильские острова в порядке генерального межевания карты мира после поражения Оси без того, чтобы СССР был втянут в военные действия с Японией. 18) СССР заинтересован в расширении и укреплении дружественных отношений с Китаем, однако степень содействия Китаю в его развитии и превращении в подлинно великую державу должна определяться характером тех сил, которые будут находиться у власти в Китае в послевоенный период» [8, 42], тем не менее мнение Майского не было принято в качестве возможного руководства к действию. На Крымской конференции принимается другое решение: фактически предстояло не зависеть от тех сил, которые будут у власти в Китае, и при этом активно участвовать в создании благоприятного политического климата в стране с учётом интересов Советского Союза.

Четвёртого февраля одна тысяча девятьсот сорок пятого года в Ялте начала свою работу Крымская конференция глав трёх держав антигитлеровской коалиции. Черчилль, Сталин и Рузвельт в Ливадийском дворце приступили к обсуждению важнейших вопросов, связанных с разгромом Германии, послевоенным устройством Европы, проблемами Дальнего Востока. Заметим, что эта тема прорабатывалась давно, так как в декабре 1944 г. в Москве между американским послом Гарриманом и Сталиным состоялся разговор, в котором стороны детально обсудили участие СССР в войне против Японии с учётом интересов советского государства. Именно тогда были заявлены требования советской стороны, тщательно изученные американцами.

Напомним, что в числе требований были контроль над Южной частью острова Сахалин и островами Курильской гряды, получение контроля над портами Потр-Артур и Дайрен на условиях аренды, а также ведущей к ним через Мукден, Чаньчунь, Харбин железной дороги и Китайско-Восточной железной дороги [4, 284]. Фактически после установления контроля над Восточной Европой де-факто советская внешняя политика стала играть более активную роль и в дальневосточном регионе с прицелом на ближайшую перспективу с учётом усиления влияния и повышения престижа СССР в мировой политике. Специалисты американского Госдепартамента подготовили для американского президента материалы, в которых высказали своё мнение о возможной передаче под международную опеку Южного Сахалина и Курильских островов. Однако президент США Ф. Д. Рузвельт посчитал это малопривлекательным вариантом.

Дело в том, что среди военно-политического руководства США сформировались два лагеря – лагерь сторонников и лагерь противников участия СССР в войне против Японии. Сторонниками такого развития событий были государственный секретарь США Э. Стеттиниус, глава Объединённого комитета начальников штабов (ОКНШ) генерал Дж. Маршалл, министр обороны США Г. Стимсон, командующий ВВС в Китае генерал К. Ченнолт и др., объективно понимавшие трудности и проблемы, которые их ожидали, если в войну против Японии СССР не вступит. Однако и противники такого развития событий имели достаточный вес. Например, адмирал Ч. Нимиц, сотрудники Госдепартамента Ч. Болен и Дж. Кеннан, а также Дж. Грю (бывший посол США в Японии) и глава департамента военной мобилизации Дж. Бирнс. Возникает интересная коллизия: дело в том, что фактически соглашение между СССР и США совершалось за счёт третьей стороны – Китая, представителей которого на переговорах не было. Восьмого февраля тысяча девятьсот сорок пятого года в Ливадии началась двусторонняя встреча между Сталиным и Рузвельтом, на которой участники обсуждали дальневосточные проблемы [10, 243]. Сталин поставил вопрос об условиях, на которых Советский Союз может вступить в войну. Вскользь американский президент заметил, что ряд вопросов требует консультаций с лидером Китая Чан Кайши. Однако проблему урегулирования советско-китайских отношений на себя брало именно американское руководство, что являлось, на первый взгляд, достаточной гарантией этого соглашения. Правда, советская сторона настояла на включении в текст соглашения положения о том, что президент США примет меры, чтобы со стороны руководства Китая такое согласие было получено [9, 46]. Фактически в Ялте Сталин в концентрированном виде сформулировал и выдвинул американцам условия, которые отвечали интересам советской державы, на основе которых возможно было достичь компромисса. Если ранее, в Тегеране и Москве, можно было лишь в сослагательном наклонении вести речь об интересах СССР в дальневосточном регионе, то теперь в Ялте эта двусмысленность уступила место трезвому расчёту, который был обусловлен значительным ростом влияния и авторитета Советского Союза на международной арене. Эти факторы и было решено использовать в качестве аргументации своих внешнеполитических требований. Но даже такие достаточно ограниченные требования вызвали серьёзную озабоченность в американском Госдепартаменте, о чём будет изложено в дальнейшем.

Предполагалось заключение между СССР и Китаем пакта о дружбе и союзе. Таким образом, заключение подобного договора связывалось с урегулированием СССР и Китаем всех возможных вопросов по Маньчжурии и Монголии. Несомненно, что Чан Кайши не стал бы противиться настояниям президента США, если бы они носили недвусмысленный характер. Гомиьндану нужно было соглашение с СССР, которое не давало бы активно развиваться КПК

в стране [3, 367]. Таким образом, американские политические и военные деятели могли контролировать переговорный процесс, направляя его в нужную для себя сторону. Но сейчас всё выглядит несколько иначе.

В чём же дело? В каком-то смысле выдвинутые требования советской стороны обозначили границы её устремлений, а значит, на этом можно было построить свою игру с учётом американских интересов. Более того, выдвинутые советской стороной требования, повторимся, касались страны, представителей которой на конференции не было. Американское правительство в этом смысле брало на себя роль посредника, но взамен американцы получили гарантии от Советского руководства в том, что Союз в соответствии с соглашением обязуется вступить в войну с Японией. В этой связи надо отметить один очень важный факт: в мае 1945 г., фактически сразу после смерти Рузвельта, исполняющий обязанности госсекретаря Джозеф Грю направил руководителям военных ведомств документ, в котором запросил мнение о проводимой США политике по отношению к СССР и в частности по Ялтинскому соглашению о Дальнем Востоке. Был поставлен вопрос о том, следует ли вообще выполнять это соглашение [5, 87]. На тот момент часть американских дипломатов отчётливо ощущала, что именно Китай является ключом к региону Юго-Восточной Азии [11, 9]. И в случае подъёма национального движения Китай, по мнению Дж. Дэвиса, американского дипломата в Чунцине, должен стать союзником США. В то же время он предупреждал об опасности недооценки советского влияния в Китае. И всё-таки на тот момент сторонники участия СССР в войне против Японии победили. Судя по всему, американские военные и дипломаты справедливо полагали, что после разгрома Японии влияние Гоминьдана усилится, а следовательно, усилится позиция Соединённых Штатов, которые проводили очень активную политику в Китае и имели возможность влиять на группировку Чан Кайши. Всё же советская сторона тщательно отслеживала ситуацию, и уже летом 1945 г. И. Сталин поставил вопрос о дате начала военных действий в зависимости от заключения соглашения с китайским правительством и об американском посредничестве в нём, чётко придерживаясь выработанной линии договорённостей в Ялте и требуя того же от своих союзников [9, 46]. Однако дальнейшие события ясно показывают, что американская сторона вела другую игру.

Дело в том, что заключение советско-китайского договора шло с большими трудностями, а это косвенно говорит о том, что подготовительной работы с китайским руководством американские представители и посланники фактически не вели. Американскую сторону чрезвычайно волновал вопрос о возможности «закрытия» Маньчжурии от проникновения туда американских интересов. В период проведения советско-китайских переговоров – 13 июля 1945 г. – Госдепартамент вновь высказал мнение, чтобы США сами или с Англией «повлияли на Советское правительство с целью изменения в пользу Китая условий, касающихся... железных дорог» [5, 98]. Грю предложил не предпринимать никаких шагов до тех пор, пока правительство СССР не согласится решить вопрос об объединении Китая «на условиях, которые правительство США считает наиболее желательными» [5, 86]. Возможность пересмотра Ялтинских соглашений вполне приемлемой считал и посол США в СССР А. Гарриман. В каком-то смысле американцы хотели руками представителей Китая добиться пересмотра некоторых соглашений по дальневосточному вопросу, достигнутых в Ялте в феврале 1945 г. Если бы эта попытка удалась, то американцы значительно улучшили бы свои позиции в Китае и стали доминирующей силой в регионе, умаляя влияние СССР и фактически вытеснив его из важного региона. В то же время позиция китайского руководства и Чан Кайши в качестве поборников национальных интересов усиливалась, что могло сыграть свою роль и в том, что часть населения поддерживающего КПК, перешла бы на их сторону, приняв их политическую платформу и декларируемые ценности. В этой ситуации политика СССР была обусловлена рядом факторов. С одной стороны, КПК ещё была недостаточно сильной, чтобы быть полноценным фактором воздействия на политику правящей партии Китая – Гоминьдан. С другой стороны, советская сторона в рамках заключённого соглашения, понимая существующие трудности, пыталась договориться с китайским руководством, возлагая определённые чаяния на прагматизм американской стороны и её зависимость, хотя и косвенную, от действий СССР в данном регионе и в данном театре военных

действий. Не последнюю роль в этом могло сыграть и то, что советская сторона, денонсировав Ялтинские соглашения, могла развязать себе руки при решении собственных геополитических задач на Дальнем Востоке, не считаясь с интересами США, что вызывало у американцев справедливые опасения. И всё же советская сторона продемонстрировала свою договороспособность и решимость следовать намеченному курсу, определённом в Ялте союзниками в феврале 1945 г., и поставить точку в этом вопросе.

Подводя итог, заметим, что китайский фактор оказал серьёзное влияние на формирование послевоенного устройства ряда государств на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии и вскрыл ряд противоречий между СССР, Китаем и США, которые в дальнейшем вылились в конфронтацию и открытое блоковое противостояние. Попытка американской стороны разыграть «Китайский фактор» оказалась неудачной и привела к утрате влияния в Китае, когда проамериканский ставленник Чан Кайши был вынужден покинуть страну. Однако тщательное и всестороннее изучение этого вопроса в дальнейшей перспективе позволит нам наиболее полно представить картину событий прошлого и понять, как они формируют повестку сегодняшнего дня в регионе и мире в целом. Необходимо учитывать исторический опыт прошлого при создании новых форм и способов взаимодействия между государствами в динамично меняющемся современном мире. В противном случае нам предстоит повторить все ошибки наших предшественников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван, Ци К вопросу о китайской историографии Второй мировой войны / Ци Ван, С. В. Кулик, Д. Д. Смирнова // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. – 2017. – Т. 8. – № 1. – С. 35-47.
2. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Документы. Т. IV. В 2 ч. Ч. 1. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937. – Москва: РОССПЭН, 2003. – 856 с.
3. Данн, Д. Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве / Д. Данн. – М., 2004. – 472 с.
4. Кошкин, А. Россия и Япония: узлы противоречий / А. Кошкин. – М.: Вече, 2010. – 480 с.
5. Ледовский, А. Китайская политика США и советская дипломатия 1942–1954 / А. Ледовский. – М.: Наука, 1985. – 287 с.
6. Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945 гг.); под ред. чл.-кор. АН СССР Е. Жукова. – М.: Изд-во политической литературы, 1951. – 790 с.
7. Печатнов, В. Переписка И. Сталина с Ф. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. В 2 т. Т. 1 / В. Печатнов, Э. Магадеев. – М.: Олма групп, 2015. – 656 с.
8. Советский фактор в Восточной Европе 1944–1953. В 2 т. Т. 1. 1944–1948. Документы. – М.: РОССПЭН, 1999. – 697 с.
9. Шамрин, О. А. Ялтинские решения 1945 года по Дальнему Востоку и их реализация в контексте взаимодействия СССР, США и Китая / О. А. Шамрин // Мировой порядок XXI века и проблемы украинско-российских отношений: сб. науч. ст. под ред. С. Юрченко. – Симферополь, 2006. – С. 42-51.
10. Юрченко, С. Ялтинская конференция 1945 года: хроника создания нового мира / С. Юрченко. – Симферополь: ИД «Крым», 2005. – 340 с.
11. Carter, C. Mission to Yenan: American liaison Mission with the Chinese communist, 1944–1947 / C. Carter. – 296 p.